

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук

Омельянчука Игоря Владимировича

на диссертацию Мулевой Марии Сергеевны

«Еврейское население Поволжья в XIX - начале XX вв.: государственная политика и проблемы идентификации»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Заявленная М. С. Мулевой тема объединяет сразу несколько проблем: региональная история (в данном случае история Поволжья), история еврейского народа (в частности, ее малоисследованный аспект – история евреев внутренних губерний), межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской империи, и, наконец, национальная и конфессиональная политика правительства. И хотя перечисленным выше темам посвящена весьма обширная историография, как отечественная, так и зарубежная, тем не менее, попытка их объединения в комплексном исследовании в географических рамках Поволжья предпринята впервые, что обуславливает несомненную **научную новизну** и академическую **актуальность** исследования. Кроме того, диссертация М. С. Мулевой, безусловно, имеет и общественно-политическую актуальность, так как часть затронутых ею проблем до сих пор не получили в историографии однозначного разрешения (например, вопросы о стихийности или организованности погромов октября 1905 г., о сущности политики правительства по отношению к евреям и т. п.) и поэтому сохраняют политическую заостренность и в наши дни.

Используемая в диссертации **методология исследования** достаточно разнообразна и в целом соответствует поставленным автором задачам. Правда, М. С. Мулевая практически не использовала достижения сравнительно новой дисциплины «Историческая имагология», хотя и упомянула работу А. С. и Е.

С. Сенявских, написанную в рамках этого направления исторической науки. Думается, что более широкое привлечение методов и результатов исторической имагологии, позволило бы М. С. Мулевой с большим основанием говорить о междисциплинарном характере своей работы.

Работу предваряет обширный историографический обзор, в котором автор демонстрирует как хорошее знакомство с результатами трудов своих предшественников, так и способность к их критическому анализу. В частности, М. С. Мулева отмечает, что в дореволюционной историографии проблемы прослеживается «слезливый нарратив», сконцентрированный «на антиеврейской правительственной политике» и не учитывающий процессы «модернизации, урбанизации, хозяйственных спадов и кризисов, затронувших социально-экономическое положение *всех категорий населения* (курсив мой, - И. О.), что представляется существенным недостатком, придающим некоторую однобокость». (С. 11) С другой стороны, автор подчеркивает, что характерной чертой зарубежной историографии второй половины XX в. (включая израильскую) являлась «критика преувеличенного этноцентризма в работах русско-еврейских историков», а также «ревизионизм сложившихся утверждений об антиеврейской направленности внутренней политики российского правительства, инспирированности погромов сверху», и, самое главное, «внедрение новых подходов, рассматривавших историю евреев в России в рамках общеимперских общественно-политических, социокультурных и идеологических процессов» (С. 13).

Особого внимание заслуживает источниковая база исследования, представленная тремя центральными (Государственный архив Российской Федерации, Российский Государственный Исторический Архив, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки), и шестью (!) местными архивами (Центральный архив Нижегородской Области, Государственный архив Республики Татарстан, Государственный архив Ульяновской области, Центральный государственный архив Самарской области, Государственный архив Саратовской области и Архив Саратовского государственного

университета им. Н. Г. Чернышевского). К исследованию автором также привлечено 28 наименований газет, статистические материалы, многочисленные источники личного происхождения, публицистика и даже такой довольно редкий для исторических исследований вид источников, как художественная литература. Последнее, думается, вполне оправдано при исследовании заявленной темы. Использование такого обширного и разнопланового массива источников, а также их критический анализ, создали необходимые условия для проведения научного исследования на заявленную тему. А введение автором в научный оборот новых источников, обусловило еще одну сторону **научной новизны** рецензируемого исследования.

Структура работы в целом логична и позволяет раскрыть заявленную научную проблему. Не вызывают вопросов хронологические и территориальные рамки исследования (исключение из них Астраханской губернии вполне обосновано).

М. С. Мулевая справедливо не разделяет точку зрения И. Барталя, утверждавшего, что евреи к середине XIX уже осознали себя политической нацией. По ее мнению, «несмотря на переживаемые трансформации, еврейская идентичность к середине XIX в. основывалась лишь на общности этнической группы» и «говорить о нации в данном случае преждевременно» (С. 71). Она также приводит мнение С. М. Дубнова, утверждавшего, что «рост антисемитских настроений напрямую связан с активизацией националистических взглядов в среде еврейской интеллигенции ввиду разочарований в идеях ассимиляции», а также расширением запретительных мер в отношении евреев в правление Александра III (С. 77). То есть, подчеркивает, что процесс создания нации шел и был близок к завершению.

Рассматривая правительственную политику, направленную на интеграцию евреев в общеимперское социально-экономическое пространство, автор приходит к верному выводу, что ее объектом стало не все еврейское население, а лишь те, кто был готов «получать образование в русской школе, служить в армии, *легально* (курсив мой, - И. О.) осуществлять хозяйственную

деятельность» (С. 82). Вероятно, правительство рассчитывало, что названная часть евреев послужит примером для остальных, что и позволит интегрировать последних в имперское общество. При этом М. С. Мулевая подчеркнула, что метания правительственной политики в отношении евреев от кнута к прянику, «оказались не способны сломить не только стремления евреев найти свое место в чужом национальном пространстве, но и уничтожить созданные ею же возможности для их реализации» (С. 82).

М. С. Мулевая, вполне справедливо подчеркивает, что немногочисленное еврейское население Поволжских губерний внесло заметный вклад в социально-экономическую и культурную жизнь Поволжья в особенности в области здравоохранения и искусства. Евреи в регионе также смогли проявить себя в сфере торговли, ремесла и промышленности, что не в последнюю очередь объясняется более высоким уровнем грамотности сравнительно с местным населением (С. 167) (напомним, согласно канонам иудаизма, все мужчины должны быть грамотными). Автор указывает на формирование в Поволжье «особого типа еврейства внутренних губерний, отличавшегося, в первую очередь, психологически от местечкового», что объясняется «аккультурацией» евреев (вытеснение идиша, получение светского образования т. п.), ставшей следствием проживания в инонациональном пространстве и отсутствия «институциональной поддержки со стороны элементов традиционной еврейской общинной жизни» (С. 168).

Рассматривая отношения поволжских евреев с местным населением, М. С. Мулевая подчеркивает, что они варьировались от вполне благожелательных, основанных на признании личных положительных качеств евреев, до неприязни, «обусловленной усилением конкуренции в хозяйственной сфере, этноконфессиональными различиями, исторически сложившимися стереотипами общественно-политического характера и религиозными предрассудками» (С. 229). Думается вполне справедливо мнение автора, утверждающего, что «социальная напряженность, глубокие противоречия экономического и общественно-политического характера, обусловленные

процессами модернизации, урбанизации и миграции, и одновременно с этим народные суеверия, слухи и иррациональные страхи способствовали развитию межнациональных отношений в регионах с немногочисленным еврейским контингентом по деструктивному сценарию» (С. 230).

Высоко в целом, оценивая работу, проделанную М. С. Мулевой, следует указать и на отдельные недочеты, встречающиеся в диссертации. Так тема диссертации («Еврейское население Поволжья в XIX - начале XX вв.: государственная политика и проблемы идентификации») не совсем соответствует объекту и предмету исследования, в которых упоминание о государственной политике отсутствует. И наоборот, согласно определению объекта и предмета исследования, в диссертации будет изучаться «хозяйственно-экономическая, общественно-политическая, религиозная жизнь и культурно-досуговая деятельность еврейских общин Поволжья в контексте восприятия местным населением», что никак не отражено в названии работы.

Следует отметить, что автор не использует труды современных исследователей, посвященных монархическому (черносотенному) движению в России. В историографическом обзоре упомянута монография Д. А. Коцюбинского, посвященная идеологии и деятельности Всероссийского национального союза, но в ходе исследования М. С. Мулева к ней не обращается. Проигнорированы работы С. А. Степанова, А. В. Репникова, А. А. Иванова и др. Полагаю, что их использование позволило бы, как минимум, избежать досадных ошибок. Так автор пишет, что «для погромов в октябре 1905 г. не было объективных причин», а «причина обострения отношений, возможно, связана с пропагандой местных черносотенцев и Союза Русского Народа» (С. 220). Однако, в октябре 1905 г. не существовало не только Саратовского отдела СРН, но и Союза русского народа вообще, конституированного лишь 8 ноября 1905 г. Более того, после создания СРН в России произошло всего два еврейских погрома (в отличие от 690 в октябре 1905 г.), причем оба на территории Царства Польского, в Седлеце и Белостоке,

где отделов СРН не было. Даже в Одессе, где атмосфера была наиболее накаленной и активно действовало несколько черносотенных организаций, несмотря на частые столкновения правых боевых дружин с еврейской самообороной (порой сопровождавшихся гибелью участников), погромов, направленных против всего еврейского населения города, не было.

В качестве показателей экономических успехов евреев автор использует нерепрезентативные статистические данные. Например, он указывает, что в Царицыне из 93 купцов, 16 человек были евреями, то есть более 17 % (С. 102). Однако к этому времени для занятия торговлей уже не было необходимости уплачивать гильдейский сбор, можно было обойтись более дешевым сбором промысловым. Поэтому де-юре количество православных в гильдейском купечестве заметно уменьшилось (что не означает соответствующего уменьшения количества русских торговцев де-факто), евреев же, наоборот, - постоянно увеличивалось, так как пребывание в купеческом сословии позволяло евреям повсеместное жительство.

Тем не менее автор справедливо говорит о росте экономического влияния евреев регионе, (которое черносотенцы предпочитали называть «еврейским засильем») и его социальных последствиях. По мнению М. С. Мулевой, «еврей, находившийся на социальной лестнице в самом низу, становился своего рода господином для русского, априори занимавшего более высокое положение в общественной иерархии. Это была неестественная смена социальных позиций, приводившая к трагическим последствиям (С. 204). Автор упоминает и о «зревшем в течение длительного времени среди представителей русского христианского населения недовольстве своим приниженным, подчиняющимся и зависимым положением по отношению к чужакам, занявшим прочные, «господствующие» позиции, невыносимые для общества, базирующегося на патриархальных и иерархических основах» (сноска 534 на С. 204), а также о недовольстве жителей городов с высокой долей еврейского населения, «монополизацией «чужаками» экономических сфер» (С. 205). М. С. Мулевая подчеркивает, что порой черносотенная критика

еврейской экономической деятельности имела под собой некоторые основания, в частности в Нижнем Новгороде, где «обвинения в фальсификации оливкового масла, изготавливаемого якобы из нефтяных отбросов, коснулись крупного фабриканта Персица». За незаконное изготовление бальзамов понес наказание содержатель аптекарского магазина Зуль, выдвигались обвинения против владельца завода по производству фруктовых и минеральных вод Хинского «за использование ядовитого, по мнению редакции [правой] газеты, сахара вместо сахара» (С. 178-179).

На страницах диссертации не раз упоминаются призывы монархистов к «радикальному решению еврейского вопроса» (напр., С. 213, 226), однако не поясняется в чем же такое решение заключалось. Уточним, под «радикальным решением» правые понимали выселение евреев из России в Палестину, что в целом соответствовало идеологии сионизма. Поэтому черносотенцы некоторое время даже рассматривали вопрос о сотрудничестве с сионистскими организациями в деле организации переселения евреев. Но после перехода сионистов на революционные позиции (В. Е. Жаботинский подчеркивал, что «мы на 100 % социалисты, и на 100 % националисты!» См.: Из истории и мифологии революции: почему евреи? // Отечественная история. 2000. № 2. С. 106.), вопрос о сотрудничестве с сионистами для правых потерял актуальность.

Автор совершенно справедливо называет Манифест 17 октября 1905 г. спусковым крючком последовавших за ним погромов, но не совсем верно на наш взгляд реконструирует их ход и причины. По его мнению, манифест вызвал «всеобщее ликование» (С. 214). Однако полагаю, что ликование было только у радикально настроенной части общества, воспринявшей манифест, как признак близкого краха монархии и поэтому организовавшей уличные демонстрации с призывом «Долой самодержавие!». М. С. Мулевая также пишет, об «уличных демонстрациях в поддержку октябрьского манифеста» (С. 213). Но демонстранты отнюдь не выступали в поддержку манифеста и не благодарили царя за октроированную конституцию, а просто требовали

свержения самодержавия. По мнению автора, демонстрации сопровождались «шествиями колонн людей с царскими портретами и иконами» (С. 213). Уточним, что революционные демонстрации начались с утра 18 октября, когда информация о манифесте дошла до провинции, а контрреволюционные манифестации (этим словом в то время называли массовые акции сторонников монархии, в отличие от демонстраций революционеров) появились на улицах к вечеру или даже на следующий день 19 октября. И только после этого образовался тот страшный погромный водоворот, унесший по всей стране тысячи человеческих жизней.

Причинами столкновений автор называет погромную агитацию Союза русского народа, однако, его просто не существовало на тот момент (см. выше). Автор полагает ошибочным мнение казанского губернатора о том, что погром был вызван «оскорблением национальных и религиозных чувств большей части населения» (С. 220) (наверное, имелось в виду православной части) и пишет о «якобы изрезанном» портрете царя, полагает неверными свидетельства об оскорблении религиозных чувств христиан в Балашове и т. п. Однако множество источников свидетельствует о подобном развитии событий в Киеве и других городах империи. При этом автор подчеркивает, что в саратовском погроме среди 10 погибших не было ни одного еврея. Это означает, что агрессия контрреволюционеров была направлена в первую очередь против революционеров, и лишь потом уличные беспорядки, не без участия люмпенизированных масс, переросли в еврейский погром, целью которого был обыкновенный грабеж (кстати, об этом говорится и в рецензируемой диссертации на С. 217). Жертвами погромов, как справедливо отмечает М. С. Мулевая, как правило была также «нищая масса еврейского населения, не имевшая отношения к какой-либо общественно-политической и тем более революционной деятельности» (С. 203). Автор пишет об инциденте в Вольске, где призыв ««бей жидов»... был поправлен фразой «не жидов, а демонстрантов»» (С. 218). Такое смешение революционеров («демонстрантов» и евреев было вызвано активным участием последних

революционном движении. Один из лидеров сионистов В. Жаботинский писал: «...наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами... мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить...» (Цит. по: Из истории и мифологии революции: почему евреи? // Отечественная история. 2000. № 2. С. 104).

Не совсем точным представляется и описание автором кануна погрома: «...замерший город, опустевшие улицы и гнетущее ожидание предстоящих событий» (С. 213). Дело в том, что почти все города империи «замерли» вследствие многодневной всероссийской октябрьской стачки, а обыватели если чего и ждали, то не погромов, а скорее продолжения забастовок и революционных выступлений, так как манифест 17 октября явился совершенной неожиданностью как для общества, так и для абсолютно растерявшей власти, не понимавшей что ей делать в условиях столь неожиданно дарованной «свободы». Например, летом, как пишет автор в Поволжье имели место слухи о грядущих еврейских погромах, однако благодаря действиям губернского начальства, нижегородского и самарского в особенности, удалось успокоить население и не допустить насилия и массовых собраний» (С. 214). В октябре же растерявшая от неожиданного появления манифеста и масштабов беспорядков, власть не смогла предотвратить уличные столкновения. М. С. Мулевая приводит пример: «На месте поджога синагоги находилась и пожарная команда, и судебный пристав, однако бесчинство не было пресечено» (С. 218). Однако двумя страницами выше она указывает причину, почему пожарная команда ничего не могла сделать: «Подожженную синагогу толпа не давала тушить прибывшим на место пожарным, перерезая рукава шлангов» (С. 216).

Автор приводит мнение судебного следователя Я. Л. Тейтеля, о том, что за погром были осуждены «случайные люди», а «действительные вдохновители саратовского погрома не понесли заслуженного наказания» (С. 221-22). Думается вдохновителей просто не было, ни в правительстве, ни в

консервативной среде, еще только приступившей к политической консолидации. Погромы являлись стихийными контрреволюционными выступлениями, которыми затем воспользовались определенные социальные слои населения для грабежа, устранения конкурентов и т.п.

Достаточно спорным является утверждение автора, о том, что Русская православная церковь сыграла ключевую роль в конструировании антиеврейской риторики (С. 179). Этот тезис опровергают и авторы антологии «Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX — начало XX века) / под ред. А. А. Иванова СПб., 2021.» (С. 45-47). После погромов октября 1905 г. Св. Синод опубликовал «Пастырское поучение к православному народу», начинавшееся такими строками: «Православные русские люди, к какому бы лагерю вы не принадлежали, не пора ли нам остановиться, одуматься? Идут известия, что народ посягает на имущество землевладельцев, поднимается и на евреев, разграбляя по местам их жилища и избивая старых и малых... Вспомним, какими прещениями Господь угрожает братоубийцам».

Позицию отдельных представителей клира - иеромонаха Илиодора (Труфанова) и епископа Гермогена (Долганова) - нельзя считать официальной позицией церкви, так как оба они с 1909 г. находились в конфликте с Св. Синодом, а с 1912 г. и в разрыве с ним. Да и сам автор в тексте диссертации отмечает, что «во время литургий епископ Гермоген убеждал народ не чинить насилие - дело противное закону и Святой Церкви» (С. 223), а во время октябрьских событий он укрывал у себя в доме крещеного еврея городского голову А. О. Немировского (С. 217). Более того, после погромов владыка учредил «комитет по сбору помощи в пользу всех пострадавших в результате тех октябрьских дней» (С. 225). Епископ Нижегородский и Арзамасский Макарий (Миролюбов), также «осудил действия погромщиков за жестокость, проявленную к еврейскому народу», объясняя «что проживание инородцев в России есть воля царей» (С. 210).

В диссертации встречаются и ошибочные утверждения. Например, автор

относит Русскую Православную Церковь к «властным структурам» (С. 20). Полагаю, что несмотря на ее вхождение в государственный аппарат в начале XVIII в., все же «властной структурой» Церковь не являлась, так как не относилась ни к одной из ветвей власти. Также ошибочным является утверждение автора, о том, что манифест 17 октября 1905 г. провозгласил равенство всех подданных независимо от вероисповедания» (С. 68). Как известно, манифест провозгласил лишь гражданские свободы и наделил государственную Думу законодательными полномочиями. В диссертации также говорится, что правительство стремилось унифицировать имперское пространство «через слом внутренних сословных перегородок» (С. 58). Думается и это утверждение слишком категорично, так как правительство все же сохраняло «сословные перегородки» до 1917 г., а кое-кто даже видел в них один из устоев российского социума.

Порой в тексте встречаются стилистически неудачные выражения. Так автор противопоставляет евреев «автохтонному» населению. Вероятно, правильно было бы писать о местном населении, так как под автохтонным понимается народ, этногенез которого проходил на данной территории. Под это критерий точно не попадают русские, которых автор имеет в виду. Кроме того, полагаю ошибочным использовать по отношению к еврейскому населению Поволжья термин «еврейский контингент», весьма часто упоминаемый автором. М. С. Мулевая дважды пишет, что, евреи, несмотря на постепенную интеграцию в социокультурную среду Поволжья, стремились сохранить «чувство биологической общности» (С. 43, 106). Думается, речь здесь все же идет об этнической общности, ибо биологическая общность характеризует всех представителей рода *Homo Sapiens*.

Автор пишет, что выбор адаптационной стратегии для евреев Поволжья варьировался «от полного *растворения* (курсив мой, - И. О.) ради получения преференций... и до сохранения идентичности» (С. 46). Автор несколько раз пишет о сложностях интеграции евреев «в правовое поле» России (С. 231, 232) и даже в «правовое поле «Поволжских губерний» (С. 155). Во-первых,

правового поля губернии/губерний просто не существовало, так как губернские администрации не имели законодательных полномочий; во-вторых, евреи были интегрированы в правовое поле России сразу после разделов Польши. Другое дело, что их права в этом поле изначально были существенно ущемлены.

Автор справедливо указывает, что «традиционное занятие евреев в сфере торговли», давало местному населению повод видеть «в пришлых и «безземельных» элементах чужаков, ничего не производящих и лишь выполняющих роль снабженцев» (С. 170). Полагаю, что в данном случае речь идет все же не о «снабженцах», а о посредниках, присваивающих себе часть труда производителя. Особенно недовольны были эти крестьяне, вынужденные, в силу отсутствия зернохранилищ, осенью продавать свой урожай перекупщикам по невыгодной цене. Кстати, в диссертации приводится подтверждающее этот факт мнение В. И. Немировича-Данченко, писавшего, что в сезон еврейские торговцы массово едут «в Нижегородскую, Саратовскую и Самарскую губернии для покупки хлеба за бесценок» (С. 176).

Неудачными являются словосочетания «министерские ведомства» (С. 8), «изменение мотивации национальных проблем» (С. 62), «базировавшийся в г. Петровске Московский пехотный полк» (С. 160) (сухопутные части «дислоцируются»), «мытарства поволжского еврейства постепенно увенчались успехом» (С. 163). В словосочетании «ритуальные процессы», первое слово лучше брать в кавычки, так как не сами процессы были ритуальными, а посвящены они были преступлениям, носящим ритуальный характер. В сноске 101 чин действительного статского советника назван «титлом» (С. 61).

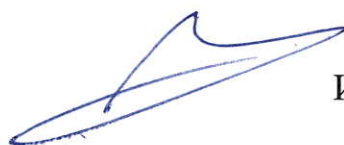
Перечисленные выше замечания не снижают в целом очень высокий уровень диссертации и результаты проделанной автором масштабной работы. Диссертация М. С. Мулевой является оригинальным, завершенным научно-квалификационным исследованием, посвященным разрешению актуальной научной проблемы. Содержание диссертации соответствует паспорту

специальности 5.6.1 – Отечественная история. Ее результаты могут быть использованы при дальнейшем исследовании истории как Поволжского региона, так и истории России в целом, что обуславливает ее **практическую значимость**. Основные положения диссертации отражены в 8 научных работах, среди которых 4 опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертационное исследование Марины Сергеевны Мулевой «Еврейское население Поволжья в XIX - начале XX вв.: государственная политика и проблемы идентификации» отвечает требованиям ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук и соответствует пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,
профессор Департамента истории
Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»

И. В. Омелянчук

«25» июль 2025 г.

Рабочий адрес:

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 3, каб. 3413

Тел.: 7 (499) 181-26-30,

E-mail: history.ign@mgpu.ru